

ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНЕДЖМЕНТА В ТРАНЗИТИВНОМ РАЗВИТИИ

В. В. Зинченко

*Национальный Центр международных исследований,
Украинский гуманитарный институт (Киев, Украина)*

Поступила в редакцию 29 августа 2011 г.

Аннотация: анализируются тенденции модернизации и постмодернизации в контексте процессов реформ и современного развития Украины и России, их уровни и формы. Рассматривается влияние тенденций глобализации на процессы экономики и управления, модернизации и постмодернизации на общество в условиях трансформации транзитивных систем.

Ключевые слова: постмодерн, модернизация, глобализация, мегапроекты, оптимизация управления, транзитивность.

Abstract: analyzes the trends of modernization and post-modernization in the context of the reform processes and the development of modern Ukraine and Russia, their levels and shapes. The influence of the globalization trends in the management processes, psycho mentality on society in terms of transitive transformation systems.

Key words: postmodern, modernization, globalization, mega-projects, to optimize the management, transitivity.

Украина и Россия вошли в новый цикл преобразований экономики в условиях, которые значительно осложнились из-за того, что прежние ресурсы развития весьма ограничены. Но сохраняются существенные резервы именно в организации и управлении [1]. Следовательно, встает вопрос о специфике восприятия и адаптации успешных и близких к российским и украинским условиям моделей управления. Анализ соответствующих трансформаций в контексте отечественных реалий и посвящена данная статья.

Всемирный банк исследует и публикует рейтинги *качества государственного управления* (Worldwide Governance Indicators) стран мира, и в его оценках подчеркивается, что нет обязательной зависимости между уровнем благосостояния страны и качеством государственного управления. Однако именно высокий уровень управления позволяет лучше использовать имеющиеся ресурсы и претендовать на качественное развитие страны. Так называемый *европейский выбор* Украины – это не только географическая принадлежность, но и сознательный выбор обществом определенного вектора развития, который предполагает не только психологическую, политическую, но, прежде всего, экономическую, социальную и цивилизационную интеграцию в европейское пространство. Как известно, Россия издавна является важнейшим региональным и мировым геоэкономическим, гео-

политическим субъектом, а Украина также издавна естественным образом принадлежит к европейскому сообществу. Следовательно, ее внешняя политика не является многовекторной. Украина имеет только один вектор – европейский, поэтому речь идет о наполнении существующего положения вещей конкретным и продуктивным содержанием. Стратегической целью и России, и Украины является превращение каждой из них в постиндустриальную державу, которая обеспечивает как минимум среднеевропейские стандарты жизни.

Однако, к сожалению, общая привлекательность лозунга «постиндустриальности», «движения в Европу» для многих иногда объясняется главным их желанием получить доступ к благам успешной цивилизации [2]. Вместе с тем само по себе навешивание на любую территорию ярлыка «Евросоюз» проблем не решит. Следовательно, необходимо качественно использовать ресурсы для обеспечения в стране действительно европейских стандартов жизни. Более того, сейчас не стоит ориентироваться на универсальные рецепты и простые решения сложных проблем. К тому же в условиях глобализации часто не региональная близость, а именно социально-психологические, национально-культурные особенности при балансе экономической свободы и государственного регулирования становятся определяющими факторами. А маршруты и формы обеспечения успеха могут быть разнообразными и самобытными.

Вместе с тем фундаментальная специфика методологии управления экономическими и общественно-политическими процессами связана ныне с укреплением тенденций, которые в корне трансформируют социальную реальность [3]. Изменения ее свойств иногда характеризуются аналитиками различных научных школ как *формирование постсовременности (постмодерна)* [4]. Все активнее происходит резонирование разнообразных тенденций развития, среди которых (в отличие от модерна) **ни одна не может претендовать на исключительное значение**. Постмодернистские подходы к экономическому и социальному управлению вообще не перечеркивают, а актуализируют управленческий потенциал модерна. Но вместе с этим открывают и новые возможности, связанные с активным использованием традиций и обычаев, коллективных отношений и взаимодействий, неформальных коммуникаций и социальных сетей, с синтезом элементов управляемости, самоуправления и неуправляемости. Речь идет об изменении моделей развития, повышения степени плюрализма трансформации. Переход к логике и методологии постмодернизма является одновременно отказом от единства любого базиса развития. Новый диапазон социальных ролей человека усиливает влияние культуры на восприятие полифункциональности в управленческом процессе.

Когда творческий потенциал высокого модерна как мегапроекта развития иссяк, попытки проводить не догоняющую, а опережающую политику на основе исключительно его технологий социального и экономического управления являются неэффективными, а перспективы дальнейшего проведения прогрессивных трансформаций начали открываться в новых международных тенденциях. Впрочем, *постмодерн* – вовсе не контрмодерн, ибо признает развитие и не отменяет возможности модерна. Но постмодерн может сорваться к контрмодерну, прежде всего через качество социального управления. Постмодерн означает многообразие (и равенство) моделей прогресса, опору на существующие устои, а не борьбу с ними. Единство веры и разума открывает модели новых социальных укладов без привычных ограничений.

Специфика настоящего в том, что, с одной стороны, нужна творческая сила модерна, с другой – возможности классических вариантов модерна подорваны. Человечество находится в ситуации жизни на грани, испытывает настоящую пороговость существования и развития, знаний о себе и мире. Причем для неоконсерваторов поиск ценност-

ных ориентаций предполагается прежде всего через апелляцию к традициям как опыта, который проверяется историей, а также к народным обычаям, в которых закрепляется «позитивный» и отвергается «негативный» смысл. Вследствие такой направленности становится насущным интерес к национальной культуре, прежде всего национальным ценностям.

Кроме того, ограничения на общую методологию управления накладывают условия, которые иногда определяются как *квазипостмодерн*. Они фиксируют состояние, характеризующее социально противоречивые регионы, где общие черты нового устройства предстают иррационально и неорганично.

Речь идет, конечно, не о финальной стадии рождения нового экономического и социально-политического состояния, а лишь об определенных (хотя и весьма влиятельных) тенденциях. *Постсовременная модернизация (постмодернизация)* – это комплекс институциональных изменений, которые выводят общество за рамки индустриальных форм социальной и экономико-производственной жизни. Она неравномерно охватывает различные мировые регионы и несет крайне разнообразную комбинацию угроз. Но под влиянием глобализации каждая страна должна формировать свой вариант ответа на этот исторический вызов, не зависимо от субъективного желания и видения ситуации. Вместе с тем постмодернизация – это не только другая модель развития, но и другие ресурсы социального управления. Именно качество управления определяет место страны в «табели о рангах».

Полезно при этом выделить модели модернизации в зависимости от последовательности ее раскрытия: 1) Европы, Северной Америки и Австралии; 2) России, Японии, Турции, Балкан, возможно, Бразилии и Аргентины; 3) колониальных и зависимых периферий Азии, Африки и большинства стран Латинской Америки [5, глава 6, с. 98–118]. Отличие, а также схожесть национальных вариантов развития определяются не только качественными показателями, но и характером, и механизмами становления [6]. Странам первого эшелона модернизации вообще свойственно ограниченное, произвольное зарождение индустриальных отношений (XIV–XIX вв.). Существовала также относительная синхронность вызревания основных информационных предпосылок капитализма – экономических, социальных, правовых, политических и культурных. Была сохранена последовательность взаимодействия факторов:

накопление экономических и социальных предпосылок – частично связанные с ними масштабные культурные сдвиги (XVI–XVII вв.). На их основе произошли социальные и экономико-политические революции (XVII–XVIII вв.), что оказалось мощным стимулом для аграрной и индустриальной революций (XVIII–XIX вв.).

Мгновенное, шаблонное заимствование готовых моделей модернизации привело (в том числе и в постсоветской реальности) к сужению круга лиц, на которых блага социальной, экономической, политической и культурной жизни распространялись. Так, даже в североамериканских Соединенных Штатах очень медленно расширялись границы социальной группы, выступавшей субъектом демократического управления. Тем более в рамках последующих эшелонов модернизации ограниченность «имитационной» модели демократизации стала очевидной. И, как констатирует В. Иноземцев, не то, чтобы демократия в принципе не может быть привитой – просто время для таких действий прошло. Сталкиваясь с новыми попытками «насаждения» или «экспорта» демократии, можно видеть, как они дискредитируют не только инициаторов этого процесса, но и саму демократию. Соответствующей аналогией является соотношение идей коммунизма и реального осуществления «коммунистического эксперимента» [7].

Страны второго эшелона модернизации стартовали позже: примерно с конца XVIII – середины XIX в. Пределы трансформации общества здесь другие. Внутренние предпосылки – значительно меньше вызревшие, чем в первом эшелоне, некоторых из них вообще не было. Создается качественно новая ситуация. Перед нами другой, менее органический тип. Классическая цепочка подготовки и прохождения модернизации и обеспечения управления экономическими и социально-политическими процессами нарушается. На первое место выходит фактор политической воли, существенно возрастает роль государства как двигателя и гаранта развития. Экономическая и социальная сферы также ведут себя иначе. Развитие сразу начинается с крупной промышленности, почти или совсем минуя мануфактурный период. Сначала и «сразу» появляется то, к чему Запад шел столетиями: развитие тяжелой промышленности, железных дорог. Весь этот процесс «помещается» в чрезвычайно короткий промежуток (несколько десятилетий, максимум – столетие). Поэтому в странах второй волны нет времени на классическое первичное накопление. Требуется форсированное накопление

средств, фактически – их перераспределение, изъятие из сферы сельского хозяйства, из всего общества (налоги, жесткая эксплуатация рабочих). Отсюда трансформация системы и механизмов управления, следовательно, и рост социальной напряженности как следствие экономико-политического диктата, системы жестко централизованного управления. Демократия имитируется.

Третий эшелон имеет не только общие черты со вторым, но и существенные отличия. Во-первых, степень отставания от «мирового центра» здесь еще больше, чем у второго. Кроме того, если страны второго эшелона развивались на национальной основе, то на государствах третьего лежит огромный отпечаток колониализма. Наконец, развивающиеся страны модернизируются в эпоху глобальных проблем человечества, которые превращаются в объективное ограничение развития молодых государств. Одновременно «запоздалое» развитие часто отличает: 1) выборочное заимствование технологических, преимущественно военно-промышленных, достижений Европы в обмен на вывоз сырья; 2) одновременное усиление эксплуатации своего народа добуржуазными и в определенной степени индустриальными методами; 3) рост централизации и бюрократизации управления. Странные сочетания элементов прорыва и отставания часто отражались в таких понятиях, как «частичная модернизация», «раскол», «хаотическая модернизация» и др.

Этот эшелон модернизации имеет целью не осовременивание страны и общества, а получение преимуществ постсовременного состояния. Безусловно, даже усиление постмодернистских ориентаций происходит неоднозначно: оно дифференцируется для различных профессиональных и демографических групп. В этой ситуации полезными становятся не так разовые решения, как формирование адекватной среды, поддерживающей тенденции демократизации общества.

Постмодерн рождает новые ресурсы самостоятельности, открывает простор для саморазвертывания новых тенденций, ликвидирует прежние формы постановки и решения проблемы соотношения социальных и психологических норм и аномалий. Возникает характерное сочетание религии и атеизма, веры и безверия с распространением суеверий, социально-психологических, политических и сакральных мифов.

Формируются условия, которые некоторые ученые обозначают как *квазипостмодерн*. В этой ситуации беспристрастным аналитикам понятно:

в Украине и России нет привычных для Запада хозяйственно-политических институтов, соответственно «карнавальности» постмодерна; в постмодернизме «одеяния» впитывают совершенно разные явления. Следовательно, есть опасность появления в постсоветских государствах черт общества причудливого типа с преобладанием социально-экономических и политических аномалий.

Специфика *постсоветского транзитива* формирует собственные особенности общественного строя и определяет возможности эффективного экономического и социально-политического управления. В этой ситуации увеличиваются неопределенность, взаимопроникновение фрагментов различных экономико- и социоструктур, подвижность границ, кардинально меняется соотношение хозяйственных норм и аномалий. Теоретическое и практическое игнорирование этих изменений, ориентация экономико-социального и политического управления исключительно на линейный характер развития трудовых отношений, попытки некритического заимствования управленческих шаблонов, сложившихся в рамках модернистского мировосприятия, могут усилить тенденции дезорганизации посткоммунистической общественной жизни. Очевидно, гораздо перспективнее разработка форм и механизмов управления, в которых учтен постмодернистский характер социальных изменений.

Для Украины и России процессы постмодернизации усиливаются рядом обстоятельств. Во-первых, нерешенностью многих задач, которые при обычных обстоятельствах преодолеваются в рамках модерна. Во-вторых, наше общество переходит к постмодерну как к культуре посткоммунистической, когда, например, Запад – к посткапиталистической. В-третьих, совпали такие разнокачественные процессы, как разрыв с неэффективными хозяйственными и социальными отношениями, движение от фрагментарной к целостной национальной экономике, интеграции в глобальные инфраструктуры.

В этой ситуации опасна недооценка трудностей и долгосрочности перестройки, которая началась в Украине и России. Необходимо осознание, что стоит задача не обычной стабилизации, а всеобъемлющих системных институциональных и социокультурных преобразований, эффективное решение которых связано с фундаментальным изменением стратегии управления на базе интеграции иностранных управленческих инноваций и отечественного опыта в конкретных условиях постсо-

временной Украины и постсовременной России. Бесспорно, постмодерн содержит крайне серьезную угрозу бесцельной потери творческих сил и потенциала нации, но может и стать ренессансом многоуровневого развития. Появляются новые глобальные и региональные структуры. Тенденции регионализации могут открыть как дополнительные механизмы интеграции, так и привлечение новых производительных ресурсов. И без овладения постсовременными технологиями социального управления успешное строительство мегапроекта развития в нынешних условиях невозможно. К тому же постмодернизация социального пространства – это не только другая, новая модель развития, но и другие ресурсы социального управления. Опоздание с высвобождением творческих сил постмодерна подталкивает к моделям регрессивного контрмодерна с его бессмысленной бесконечностью, когда ощущается психологическое давление ситуации возможного экономического и социального хаоса, начинается период депрессии в обществе, усиливается вероятность политических провокаций, возрастает диапазон упущенных возможностей страны.

Наоборот, постмодернистские методологические подходы в Украине и России открывают новые организационные возможности, связанные с активным использованием традиций и обычаев, коллективных отношений и взаимодействий, неформальных коммуникаций и социальных сетей, с синтезом элементов управляемости, самоуправления и неуправляемости. Вместе с тем именно социальное управление может рассматриваться как действенное направление национальной интеграции, особая форма общественной регуляции социального сообщества с задачей выработки принципов и условий общепринятого сосуществования и развития [8].

Для оптимизации экономического и социально-политического управления нашим государствам необходимо двигаться не только от социально-иерархической организации общественных отношений к экономической, но и с ее помощью – к социокультурной. Следовательно, нужна не просто очередная реформа управления, а глубокие психологические, культурные и общественные перемены, которые следует и возможно регулировать. Отсюда и тесная связь экономических преобразований с внедрением европейских принципов организации, демократизацией и ростом творческой активности, ибо без гласности и широкой самодельности невозможно справиться с бюрократи-

ческими «наростами». И хотя это слишком болезненное противостояние, связанное с массовыми трудностями и обострением ряда проблем, сам факт демократизации общества, социально-политической сферы, всей общественной жизни предоставляет основания для оптимизма.

Для обеспечения прогресса Украине и России нужно брать у стран Европы именно принципы общественной организации, а не пытаться скопировать отдельные экономические явления и институты социально-политической жизни. Впрочем, постмодернизация управленческих и социальных отношений ориентирует на уход от культуры агрессии и монолога, насильственной социализации и стандартизации личности, на преодоление напряженности между участниками процесса производства, на обеспечение механизма консолидации и разрешения конфликтов.

Поэтому создание условий для развития и более полного использования экономического, культурного и социально-политического потенциалов Украины и России требует качественной трансформации общей системы управления, в частности путем учета постмодернистской методологии и передовых достижений мировой цивилизации.

Бесполезно пытаться жестко и детально сконструировать «движение к постмодерну». Иллюзии, что при «правильном» следовании по «хорошо просчитанным» планам реформ возможно лег-

ко, бесппроблемно и с правильно высчитанными во всех мелочах результатами перейти к новому состоянию общества, являются опасными. Никогда нельзя отвергать разнообразие вариантов развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Double Shift. Transforming Work in Postsocialist and Postindustrial Societies / ed. by B. Silverman, R. Vogt, M. Yanowitch. – N.Y. ; L. : M. E. Sharpe, Inc., 1993. – 217 p.
2. Український соціум : інтеграція інтелектуального потенціалу / за ред. В. К. Врублевського – К. : Інститут соціології НАНУ, 2005. – 396 с.
3. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода / Ж.-П. Сартр. – М. : Прогресс, 1993. – 240 с.
4. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
5. *Шедяков В. Е.* Менеджмент персонала в условиях переходного периода / В. Е. Шедяков, В. М.Соболев. Менеджмент в области инвестиций и персонала : особенности в переходной экономике. – М. : Бизнес Информ, 1996. – С. 81–173. – Рец. : Бизнес Информ. – 1996. – № 14. – С. 55.
6. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 266.
7. *Джохадзе И. Д.* Демократия после Модерна / И. Д. Джохадзе. – М. : Праксис, 2006. – 112 с.
8. *Кравченко С. А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире / С. А. Кравченко. – М. : МГИМО-Университет, 2007. – 264 с.

Национальный Центр международных исследований, Украинский гуманитарный институт (Киев, Украина)

Зинченко В. В., профессор, заведующий кафедрой менеджмента, заведующий отделом глобалистики, геоэкономики и геополитики

E-mail: zinchenko-viktor-viktorovich@mail.ru

Тел.: 8-380-973-81-89-97; 8-380-957-63-35-33

National Center of International Researches, Ukrainian Institute of Arts and Sciences

Zinchenko V. V., Professor, Head of the Department of Management, Head of the Department of Globalistics, Geoeconomics and Geopolitics

E-mail: zinchenko-viktor-viktorovich@mail.ru

Тел.: 8-380-973-81-89-97; 8-380-957-63-35-33